

**ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ:
РИСКИ «ЭПОХИ НОСТАЛЬГИИ»**

**POST-SOVIET RUSSIA:
RISKS OF “THE EPOCH OF NOSTALGIA”**

БАГДАСАРЬЯН Надежда Гегамовна

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия
Университет «Дубна», Дубна,
Московская область, Россия
E-mail: ngbagda@mail.ru

КОРОЛЬ Марина Петровна

Университет «Дубна»,
Дубна, Московская область, Россия
E-mail: marina.korol4@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматривается состояние социокультурной реальности постсоветской России, осуществившей транзит из социализма в капитализм. Трансформация России в новую капиталистическую страну посткоммунистического блока в ходе реформ 90-х гг. XX века была связана с приватизацией, вследствие которой произошли стремительное расслоение общества, поляризация доходов, непропорциональное обнищание населения с массовой нисходящей мобильностью. За прошедшие четверть века оформилась новая модель стратификации. Данную модель нельзя рассматривать как устойчивую связь субъектов социальной жизни не только по возрастным особенностям, опыту социализации, отношению к собственности, но и потому, что эта структура обусловлена всем социокультурным состоянием постсоветского пространства. В поисках защитных механизмов от пронизанного неопределенностью будущего в обществе нарастают настроения идеализации советского прошлого.*

Критическая оптика концепта «эпоха ностальгии», которой посвящен посмертно изданный труд выдающегося

BAGDASARYAN Nadezhda G.

Moscow State Technical University
N. E. Bauman, Moscow, Russia
Dubna University, Dubna,
Moscow Region, Russia
E-mail: ngbagda@mail.ru

KOROL Marina P.

Dubna University, Dubna,
Moscow Region, Russia
E-mail: marina.korol4@gmail.com

***Abstract.** The article considers the state of socio-cultural reality of post-Soviet Russia, which carried out transit from socialism to capitalism. Transformation of Russia into a new capitalist country of the post-communist bloc during the reforms of the 1990s was associated with privatization, as a result of which there was a rapid stratification of society, income polarization, wrongfully impoverishment of the population and with massive downward mobility.*

Over the past quarter-century, a new stratification model has emerged. This model cannot be considered as a stable connection of social life subjects not only by age characteristics, experience of socialization, attitude to property, but also because this structure is due to the entire socio-cultural state of the post-Soviet space.

In society, the mood of idealization of the Soviet past is growing to find protective mechanisms against the uncertain future. The critical optics of the “epoch of nostalgia” concept, which is dedicated to the posthumously published work of the outstanding British sociologist

британского социолога З. Баумана «Ретропия», позволяет высветить риски и угрозы настроений идеализации прошлого.

Прошлое необходимо рассматривать не как застывший идеологический конструкт, но как континуум, который может помочь в понимании истоков социальных контекстов настоящего и перспектив будущего. Культура памяти – это и политика государства, тонко работающего со своим историческим прошлым в информационном поле массового сознания: грубое манипулирование им в современном обществе может дать непредсказуемый результат.

Ключевые слова: постсоветская Россия, номенклатурно-бюрократический государственный капитализм, «эпоха ностальгии», социализм, культура памяти, критическое мышление, гипотеза неодновременности.

Z. Bauman "Retropia," permits to light up the risks and threats of the mood of the idealization of the past.

The past must be seen not as a frozen ideological construct, but as a continuum that can help to understand the origins of the social contexts of the present and the prospects of the future. Memory culture is also the policy of a state that works subtly with its historical past in the information field of mass consciousness: gross manipulation of it in modern society can produce unpredictable results.

Keywords: post-Soviet Russia, bureaucratic state capitalism, "the epoch of nostalgia", socialism, culture of memory, critical thinking, hypothesis of non-simultaneity.

Прошлое – родина души человека.

*Иногда нами овладевает тоска по чувствам,
которые мы некогда испытывали.*

Даже тоска по былой скорби.

Генрих Гейне

Введение

Экспансия широкомасштабных инноваций, связанных с конвергенцией науки и технологий, распространением сети Интернет и увеличением информационных потоков, привели к макросдвигам в базовых инфраструктурах общественной жизни, изменив пространственно-временные характеристики современной социально-культурной реальности, ее хронотоп.

Эти процессы как предмет научной рефлексии сфокусировались в дискурсе социально-гуманитарных наук. Общественное развитие рассматривается как конструкция, где скорость превратилась в главный фактор социального доминирования. Скорость сжала и уплотнила изменения в обществе до хаотического чередования не связанных между собой отрезков. В этом своеобразном калейдоскопе разорванных фрагментов социального развития время, сопряженное со скоростью, словно теряет свою непрерывность, оно больше не поток, а извержение.

Стремительное ускорение времени сжимает расстояние между прошлым и будущим. Они как бы проникают друг в друга и, сливаясь, рассеиваются в настоящем, которое очень быстро устаревает. В убыстрении ритмов жизни возникает ощущение эфемерности и хрупкости настоящего, оно утрачивает возможности по формированию вектора развития в будущее. Определить настоящее в гармонии со славным прошлым и светлым будущим становится все труднее.

Это порождает состояние тревожности и страхов у людей. Страх – глубоко инстинктуальное начало в человеке, «за тысячелетия страх трансформировался от произвольного крика, который его символизировал, до обретения им социальных черт» (Bagdasaryan, Korol 2018), и как природный индикатор опасности он заставляет человека искать защитные механизмы от пронизанного неопределенностью будущего. Таким своеобразным защитным механизмом для него могут стать воспоминания о прошлом. Срабатывает эффект закона маятника: от оптимизма и устремленности в прекрасное завтра человеческое сознание и общественные установки качнулись

в обратную сторону, заразившись ностальгией, и как тонко подметил З. Бауман «мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» (Бауман 2019:20). Теперь кредит доверия выдается прошлому, а будущему пришел черед «встать у позорного столба, раз его уже осудили за неверность и неуправляемость» (Бауман 2019:17). Состоянию современного общества ставится диагноз «глобальная эпидемия ностальгии».

Эпидемии ностальгии часто случаются после революций. События, связанные с процессом модернизации в России 90-х гг. XX века, носили характер радикальной трансформации, охватившей политическую, экономическую, социальную и культурную жизни россиян, и по фундаментальности своих последствий имели революционный характер. Для истории истек относительно небольшой отрезок времени, поэтому крайне сложно рассмотреть и проанализировать этот процесс в целом с достаточной степенью глубины, тем более что он имел особую эмоциональную остроту, связанную с крушением СССР. Но общую направленность изменений российского общества можно определить как демонтаж системы социализма и его возвращение на орбиту капиталистических отношений.

Методология исследования

В качестве методологического посыла был использован посмертно изданный труд выдающегося британского социолога З. Баумана «Ретротопия» (См. Бауман 2019, Багдасарьян 2019).

Концептуализация обеспечила теоретическую организацию знания о феномене «эпохи ностальгии». Особыми методами исследования выступали понимание и объяснение, при помощи которых раскрывалась специфика социокультурных контекстов постсоветской России.

Междисциплинарный подход (в частности, физическая гипотеза неодновременности и принципа необратимости времени) позволил проанализировать формы обращения к прошлому. Это дало возможность рассмотреть риски и угрозы, которые несет в себе романтизация прошлого, и сделать вывод: не ностальгия о прошлом должна объединять общество, а культура памяти, которая может помочь в понимании истоков нынешнего времени и перспектив будущего.

Результаты исследования

*Социальная структура российского общества:
новые очертания в постсоветском пространстве*

Трансформация России в новую капиталистическую страну посткоммунистического блока была связана с приватизацией, проведенной быстро и в закрытом режиме. Если в странах бывшего социалистического лагеря вследствие «бархатных революций» эффективно действовал общественный контроль за ходом приватизации, то в России население с самого начала было отстранено от этого процесса. В результате все богатства страны, созданные трудом нескольких поколений советских людей, оказались в руках узкой группы лиц. С огромной скоростью были розданы за бесценок недра России: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь, производство.

Приватизация по-российски резко изменила социальную структуру российского общества, «в нем выделилась группа богатейших предпринимателей, получившая возможность влиять на принятие не только экономических, но и политических решений» (Нисиевич 2018:146). Произошло стремительное расслоение общества, привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим классом, которое ставило перед собой главной целью закрепление номенклатурно-бюрократического государственного капитализма.

Социальная структура общества никогда и не бывает гомогенной. Она определяется целым рядом факторов, не сводящихся лишь к отношениям собственности. В жизнь приходят новые поколения с иными поведенческими практиками и способами восприятия окружающего, в их жизненном багаже отсутствует «шоковая терапия» переходного от социализма к капитализму периода.

В этой связи возникает закономерный вопрос: «Всем ли россиянам так необходим защитный пояс эпохи ностальгии?»

Если использовать как маркер биологический возраст и опыт социализации, то можно выделить четыре социальных группы российского общества:

18–35 лет – молодежь в широком смысле этого понятия, те россияне, которые обрели опыт социализации с конца 90-х гг. и не имеют личного опыта жизни в годы радикальной трансформации;

36–45 лет – россияне, которые лично были свидетелями событий 1990-х гг., хотя в силу своего возраста не играли в них активную роль;

46–55 лет – россияне, чья социализация прошла в позднесоветское время, а события последующего периода стали реалиями уже их взрослой жизни;

56 лет и старше – россияне, для которых история России после 1990-х гг. есть совершенно новый период их сознательной жизни, связанный с ломкой советских стандартов (Латова 2018:28).

Особенности социальной структуры требуют многоаспектного анализа, который мог бы выявить причины вертикальных и горизонтальных разрывов российского общества, что крайне сложно сделать в формате статьи. Но однозначно можно сказать, что социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как устойчивую связь субъектов социальной жизни не только по возрастным особенностям, опыту социализации, отношению к собственности, но и потому, что эта структура обусловлена всем социокультурным состоянием постсовременного пространства.

Аксиологическая матрица современного общества деформирована информационными технологиями. Они беспрецедентно усложняют социальную реальность, создавая альтернативный ей виртуальный мир, который утверждается порядком вещей как нечто целостное, как жизнь, как субъект, как субстанция новой «третьей» природы. В этой новой социокультурной реальности формируется иной социально-антропологический типаж – фронтального человека, то есть человека, существующего на границах между реальным и виртуальным уровнем социокультурности, в порожденном ми-

ре иллюзорности. Его характеризует «открытость новому, свобода мышления, гибкость, легкая приспособляемость к изменяющейся обстановке, любопытство, способность быстро переключаться с одних событий на другие. Отличительной особенностью фронтального человека является также синкретичность мышления, клиповость восприятия, стремление к независимости» (Шакирова, Листвина 2018:59). Все эти характеристики легко увязываются с поколением, которое обрело опыт социализации с конца 90-х гг., не пережив в сознательном возрасте разрушения социалистического общества. Весь комплекс их жизни – глубокая вовлеченность в цифровые технологии, поведенческие практики, способы восприятия окружающего, мотивы и ценности – ничем не напоминает образ жизни поколения родителей, а тем более поколения, им предшествующего. Но вот что интересно: при всех глубоких различиях социальных групп существует нечто объединяющее соотечественников в единое целое – оценка прошедших двадцати пяти лет истории постсоветской России.

ИС ФНИСЦ РАН в рамках всероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2017 г.) опросил 4000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Опрос показал, что и относительные, и абсолютные потери постсоветского общества видятся одинаково вне зависимости от возраста (Латова 2018:37). Респонденты критично настроены относительно достижений в области демократических прав и свобод, а также экономической ситуации. Эти представления, разделяемые большинством населения, формируют национальный опыт, существенно влияя на отношение людей к текущим событиям.

«Эпоха ностальгии» VS культура памяти

Среди различных показателей и индикаторов уровня жизни населения особым образом выделяется Индекс человеческого развития (ИЧР) – это интегральный показатель, которым измеряются достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан. ИЧР – стандартный инструмент при сравнении уровня жизни различных стран и регионов, и Генеральная Ассамблея ООН признает его как независимый интеллектуальный инструмент повышения осведомленности о человеческом развитии во всем мире.

Если к концу 1980-х гг., в сложный для нашей страны «перестроечный период», сопряженный с экономическими трудностями и поиском путей перехода к рыночной экономике, Россия входила по ИЧР в группу высокоразвитых стран, правда, находясь ближе к концу соответствующего списка, то за годы реформ она из этого списка выбыла. В период 1990–1995 гг. Россия сместилась с 52 на 72 место, закрепившись на нем вплоть до 2000 г. Самой опасной тенденцией этого периода была постепенная утрата групп населения, которые являлись носителями инновационного потенциала. В эти

же годы во всех развитых и большинстве развивающихся стран наблюдался рост не только относительных, но и абсолютных социальных затрат. В Отчете развития человечества за 2018 г. Россия занимает 49 место (HDR 2019).

На фоне картины российского капитализма, которая демонстрирует хроническую бедность широких слоев населения, все более обостряется вопрос о социальной справедливости. Во многом это связано с историей Советского государства, воплощавшего мечту об обретении идеального общества, в котором царят свобода, равенство, братство. Опыт построения социалистического общества в нашей стране стал своеобразным социокультурным кодом, «укорененным в сердцах». В новой российской социальной реальности, порожденной крушением социализма, распространяются представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе» стабильности и силы и о том, что современное российское общество устроено менее справедливо, чем советское. Отсюда – настроения ностальгии, которые культивируются еще и средствами масс-медиа.

Уже во второй половине 1990-х гг., на телевидении появился проект "Старые песни о главном". В нескольких выпусках были представлены песни, стилизованные под разные эпохи советского общества XX века (1930-е – 1990-е гг.). Это были не просто развлекательные передачи, ее создатели чутко уловили атмосферу, царившую в российском обществе, из которой за годы реформ стали исчезать сплоченность, товарищество, теплота человеческих отношений. По замыслу авторов, песни, созданные советскими композиторами и исполненные современными артистами, должны были объединить разные поколения зрителей. В дальнейшем, вплоть до середины 2000-х гг., этот проект повторялся в дни праздников. Музыка времен крушения величайшей страны мира собирает десятки тысяч человек на регулярные концерты "Дискотек 80-х". Ностальгическим потенциалом обладает и передача первого канала «Сегодня вечером». Ее ведущим вместе с приглашенными гостями, медийными лицами советской и российской культуры, удается в непринужденной беседе, в воспоминаниях о тех, кто уже ушел из жизни, создавать весьма привлекательную и светлую модель советской эпохи, которая воспринимается как вполне реальная.

К прошлому апеллирует и маркетинг. Так, на российском рынке лекарств появилась сеть «Советская аптека», которая подкупает и дизайном логотипа, и рекламой «По советским ценам». На продуктах питания теперь можно встретить аббревиатуру ГОСТ. Система ГОСТов была разработана и запущена еще в СССР. Она подтверждала, что продукция прошла проверку и отвечает всем требованиям безопасности. На фоне ухудшения качества молочных, мясных (список можно продолжать, кажется, до бесконечности) продуктов, которые не соответствуют стандарту и маркировке по запаху, вкусу, содержанию ингредиентов, обращение к аббревиатуре «ГОСТ» призвано вызывать у потребителей доверие.

Эти и многие другие явления, включающие распространяющиеся по социальным сетям ролики с фотографиями «счастливого детства», самодельными песнями о былом, постепенно обретают очертания «эпохи нос-

талгии» по советскому обществу, романтизации прошлого. Имеют ли эти явления шансы укорениться в общественном сознании; и к каким следствиям это способно приводить?

Уже после крушения Советского Союза увидела свет статья британского экономиста Г. Стендинга, приверженца концепции «политики рая», направленной против рыночных отношений и капитализма как системы. Он – один из самых известных проповедников идеи безусловного базового дохода, ежемесячной фиксированной суммы, которую человек может получать от государства без каких-либо обязательств. Тем самым реализация этой идеи может быть, по сути, основой построения модели государства всеобщего благосостояния, где государство берет на себя ответственность за здоровье, образование и благополучие общества.

Анализируя вопрос о применимости термина «Welfare policy» (социальная политика), Г. Стендинг (1996) напоминает, что классическое государство благосостояния имеет семь потенциальных функций:

- облегчение бремени бедности;
- предотвращение обнищания населения;
- обеспечение социальной защиты граждан;
- перераспределение доходов;
- препятствование росту “социальной солидарности”;
- обеспечение равенства возможностей для трудовой мобильности;
- создание условий для экономического роста, структурной реорганизации экономики и гибкости рынка труда (См. Коротаев, Шкаратан, Гасюкова 2017:112).

Г. Стендинг полагает, что советская система достаточно хорошо выполняла первые четыре из перечисленных функций при практическом забвении последних двух. Так можно ли считать советское общество обществом всеобщего благосостояния?

Любая ностальгия таит в себе опасность некритического обращения к прошлому, когда настоящее, в том числе и благодаря выпущенному из темницы информационному джинну, предоставляет немало поводов для недовольства. Тогда именно в отдалившемся прошлом ищут люди примеры единения и сплоченности, справедливости и равенства, качественной социальной политики в образовании и здравоохранении. И как бы уходит на второй план все то негативное, чему свидетелями была значительная часть населения, и что открылось в отечественных архивах. На фоне актуальных проблем меркнут трагедии прошлого, напоминание о них даже раздражает. Ну сколько можно, говорят люди, вспоминать номенклатуру и ГУЛАГ, «железный занавес» и убогий быт, отсутствие всяких свобод и дамоклов меч КГБ? Зато была чистая вода и здоровая еда, товарищество и поддержка, счастливое детство, ощущение огромной страны, которой можно было гордиться, заводы и фабрики.

Подобные качели оценок прошлого – от возвышенно позитивных до резко негативных вполне объяснимы: беспрецедентное сокрытие и искажение, фальсификация исторических фактов, переписывание истории в угоду

сменяющей друг друга власти в советский период (чего стоит сталинский «Краткий курс ВКП(б)») переросли в лавину новых фактов и новых интерпретаций (Один из авторов данной статьи (Н.Б.), работая над кандидатской диссертацией в архивах, сталкивался с очевидным изъятием целых пластов документов из сброшюрованных папок. А после проверки специальными людьми собственных записей, сделанных вручную в тонких школьных тетрадях, целыми оставались лишь листы обложки – вся же тетрадь превращалась в нарезанную «лапшу». То есть даже из уже вычищенных источников можно было использовать далеко не все. В частности, нельзя было упомянуть имена деятелей, репрессированных в 1930-е гг. и не реабилитированных к началу 1970-х.). Выплеснувшись из сферы узкой группы специалистов-идеологов, допущенных к архивам, эта информация стала достоянием широких масс, которые ни по профессиональным кондициям, ни по уровню образованности были не готовы к взвешенной оценке прошлого. Они не были готовы еще и потому, что ни система образования, ни СМИ не являли (и продолжают не являть) образцы так называемого критического мышления, позволяющего видеть связи и зависимости явлений прошлого, осуществлять их анализ и синтез в социально-исторической динамике.

Было бы справедливым отметить, что обращение наших современников и к прошлому, и к настоящему далеко не всегда так уж не критично. Вот любопытный индикатор. Крупнейшая в России издательская группа «Эксмо-АСТ» и лидер на рынке электронных и аудиокниг «Литрес» назвали самые популярные книги и авторов прошедшего десятилетия (данные предоставлены самими компаниями). Самыми продаваемыми книгами «Эксмо-АСТ» (учитывались данные по всем каналам продаж и форматам книг, включая электронные и аудиокниги) стали роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» и повесть Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков», написанные еще в середине XX в. Всего в период с 2010 по 2019 г. было продано по 1,8 млн экземпляров каждой из них (Истомина 2020).

Вряд ли можно объяснить этот интерес лишь исключительными художественными достоинствами этих произведений. Есть в них, видимо, то, что дает подсказки к ответам на вызовы и нашего времени. Любая история наполнена жившими в ней и ангелами, и демонами, вторгающимися в настоящее по мере их востребованности в текущем бытии. К историческим фактам обращается управленческая элита, щедро оплачивая профессиональным историкам монтаж фрагментов прошлого в соответствии с заданными актуальными задачами. Но к прошлому апеллирует и массовое стихийное сознание, в котором «акт воспоминания – уже не взгляд субъекта, брошенный в прошлое из настоящего: напротив, это взгляд из прошлого, брошенный на субъекта в его настоящем положении» (Магун 2008:181).

Объяснительным потенциалом, на взгляд авторов, обладает мысль В. Беньямина о том, что внезапное вторжение истории в настоящее вызвана необходимостью «взорвать континуум истории и разжечь в прошлом искру надежды» (2000 : 83, 87). Следует задуматься, воспользовавшись посылом В. Беньямина, какие надежды (или иллюзии?) переживает массовое сознание, рес-

таврируя демонов эпохи сталинизма? Оглядывая постсоветский период в жизни Отечества, можно сказать, что было время иллюзий и время их преодоления, время надежд и время разочарований. Но человечество не способно существовать без надежд. И тогда оно ищет их в прошлом, выхватывая из него актуализировавшиеся фрагменты, проявляя при этом – в силу ряда причин и обстоятельств – неспособность к прочтению текста истории и в его своеобразии, и в его целостности (Болдырев 2012:216).

Заключение

Современная Россия – государство достаточно молодое, но совершив двадцатипятилетний круг своей истории, оно «по многим признакам, постепенно подходит к очередной точке бифуркации, где появляется новая социально-политическая траектория» (Латова 2018:37). Куда будет направлен ее вектор?

Приходит понимание того, что для движения вперед России необходимо обрести энергию большой цели. Это предполагает, что не ностальгия о прошлом должна объединять общество, а культура памяти. Ее отличительная особенность как раз в том, что не следует, несмотря на драматичность и величие прошлого, искать в нем исключительно демонов или исключительно ангелов. Прошлое, рассматриваемое не как предустановленный, зацементированный идеологически конструкт, но как континуум, может помочь в понимании истоков нынешнего времени и перспектив будущего. Культура памяти – это и политика государства, тонко работающего со своим историческим прошлым в информационном поле массового сознания: грубое манипулирование им в современном обществе может дать непредсказуемый результат.

В современной физике в рамках общей теории поля сформировалась гипотеза неодновременности и принципа необратимости времени (Заславский 2009). Она основана на рассмотрении системы с наблюдателем, которая моделируется автоматом: на него с бесконечной, проходящей через этот автомат ленты поступает линейно упорядоченная последовательность символов (состояний среды). Лента моделирует по отношению к автомату-наблюдателю течение времени. Все состояния среды и автомата считаются линейно упорядоченными в цепи событий. В качестве подсистем рассматриваются подмножества цепи событий, обменивающиеся состояниями – переносчиками взаимодействия. Наблюдатель произвольной системы может обнаружить определенные закономерности ее движений, лишь *ограничив* область своих наблюдений некоторым классом подсистем.

Такой подход, когда рассматриваются не все возможные подсистемы данной системы, а лишь те, которые *удовлетворяют некоторому объединяющему их условию*, известен в динамике как принцип наименьшего действия (принцип Гамильтона), имеющий универсальную природу.

Физическая гипотеза о неодновременности (как, впрочем, и иные кибнетические открытия) не случайно стала востребованной в социальных науках. Так, Э. Блох «исследует жизнь социальных слоев, которые, как кажется на первый взгляд, живут в настоящем, разделяют с нами одно и то же

время, но на самом деле погружены в прошлое» (Болдырев 2012:48). Он говорил, что «нет такого воспоминания, которое относилось бы к своему объекту совершенно отстраненно, в котором не было бы ожидания, желания завершить то, что еще не свершилось» (Болдырев 2012 : 219).

Таким образом, обращение к прошлому – неизбежное и неизбывное свойство человека как структурного элемента социальной подсистемы. Прошлое обладает поразительной силой, тягой к сослагательному наклонению. Оно наполнено трагическим и комическим, героическим и постыдным, пафосом и фарсом. Но, обращаясь к нему, человек пытается уловить отзвуки свободы, «чья музыка, казалось бы, уже умолкла навсегда, но способна в один прекрасный день преобразить наше сегодня и стать гимном новых времен» (Болдырев 2012:219).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Багдасарьян, Н. Г. Ностальгия по прошлому или в будущее – с надеждой. Рецензия на книгу З. Баумана «Ретротопия» / Н. Г. Багдасарьян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 2. – С. 486–492. – Режим доступа: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.
2. Бауман, З. Ретротопия / З. Бауман; пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 160 с. (Серия «CrossRoads»).
3. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 6 (46). – С. 81–90.
4. Болдырев, И. А. Время утопии: Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха / И. А. Болдырев. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 296 с.
5. Заславский, А. М. О принципе наименьшего действия с точки зрения гипотезы неодновременности / А. М. Заславский // Хронос и Темпус (Природное и социальное время: философский, теоретический и практический аспекты): сб. научн. тр. / под ред. В. С. Чуракова (Серия "Библиотека времени". Вып. 6). – Новочеркасск: Изд-во "НОК", 2009. – 356 с.
6. Заславский, А. М. Гипотеза неодновременности. Подход к общей теории поля / А. М. Заславский. – Режим доступа: chronos.msu.ru/old/RREPORTS/zaslavsky_gipoteza/zaslavsky_gipoteza.htm
7. Истомина, М. Издатели и продавцы назвали самые популярные в России книги десятилетия / М. Истомина. – 2020. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2020/01/10/820342-izdateli-prodavtsi-populyarnie>
8. Коротаев, С. А. Постсоветская государственность и общество. Статья 2. Реформы 90-х: на пути к социальному контракту с новой номенклатурой / С. А. Коротаев, О. И. Шкаратан, Е. Н. Гасюкова // Общественные науки и современность. – 2017. – № 5. – С. 110–122.
9. Латова, Н. В. Достижения и потери постсоветской трансформации / Н. В. Латова // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 27–39.
10. Магун, А. В. Отрицательная революция. К деконструкции политического субъекта / А. В. Магун. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 416 с.
11. Нисневич, Ю. А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России / Ю. А. Нисневич // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 143–152.
12. Шакирова, Е. Ю. Современная социокультурная ситуация: антропологические метаморфозы / Е. Ю. Шакирова, Е. В. Листвина // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 55–65.
13. Bagdasaryan, N. Phobias of Russians in the Paradigm of "General and Special" / N. Bagdasaryan, M. Korol // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018). – Режим доступа: URL: <https://www.atlantipress.com/proceedings/cessses-18/25906599> Part of series: ASSEHR, ISSN: 2352-5398, volume: 283
14. Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update. – Режим доступа: URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения 3.04.2019г.)
15. Standing, G. (1996) Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets / G. Standing // Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies. Ed. by Esping-Andersen. G. – London: SAGE Publications.